

Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности

English version: [Kruzhkova O.V. Individual determination of subjective importance of urban environment stress factors in the period of youth](#)

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается проблема восприятия и оценки рисков городской среды молодыми жителями больших российских городов. Стресс от взаимодействия с городской средой рассматривается как фактор снижения качества жизни и в то же время как катализатор сверхнормативной активности личности. Проблема выделения стрессоров в городской среде и их оценки была решена на основе опроса 1762 жителей юношеского возраста 7 крупных российских городов. В результате было выделено 8 групп стресс-факторов: реальные риски и угрозы жизни и здоровью, информационно-динамические нагрузки, социальный краудинг, транспортные риски, проблемы ориентации, безразличие, миграционные риски и гомогенность визуальной среды. В результате комплексного анализа были определены основные индивидуальные детерминанты субъективной значимости каждой группы стресс-факторов, включая индивидуально-демографические (пол, укорененность) и личностно-обусловленные (свойства нервной системы, темпераментальные и др. особенности личности). В ходе работы было доказано, что основное значение для формирования субъективной оценки стресс-факторов городской среды имеют не гендерные различия и опыт проживания в городе, а именно личностные ресурсы личности молодого человека.

Ключевые слова: стресс, городская среда, стресс-факторы городской среды, юность, субъективная значимость, индивидуальные детерминанты оценки

Городская среда – явление, возникшее на стыке двух миров – города и человека, включающее в себя три основных компонента: материальное наполнение, социальную жизнедеятельность и культурное пространство. Городская среда как продукт материального искусства и культуры формирует образ жизни человека и общества в нем живущих, определяет не только их поведение, но и в какой-то степени задает форму их мировоззрения и мировосприятия [Семенова, 2008]. Особое значение этот факт приобретает при том, что город и городская среда – повседневная реальность подавляющего числа россиян, так как городское население России в несколько раз превосходит численность жителей сельских территорий (106,1 и 37,2 млн человек соответственно). При этом пополнение городского населения происходит не столько за счет демографического прироста, сколько в результате нарастающей тенденции миграции жителей сельских территорий, в основном юношеского возраста, в города, в том числе и мегаполисы, или за счет присоединения к крупным городам населенных пунктов, входящих в их агломерации.

Город привлекателен для потенциальных жителей открывающимися возможностями получения особого статуса жителя города, доступа к перечню специфических городских благ, возникновением внутреннего ощущения «сокращения дистанции» субъекта и цивилизации. Именно в городе юноша может получить качественное образование, соответствующее его интересам и способностям, найти высокооплачиваемую работу, иметь более многообразное времяпрепровождение. Город предоставляет молодому человеку множество путей по удовлетворению его потребностей, формирует перспективу развития и стимулирует его активность, что в качестве жизненной стратегии привлекает все большее количество юношей и девушек.

В то же время городская среда и городской образ жизни несут в себе определенные недостатки и осложнения жизнедеятельности человека. По мере увеличения роста городов растут и риски возникновения и неблагоприятного воздействия на человека как физических, так и социальных стрессоров [Смолова, 2010]. Среда мегаполиса в существенной степени влияет на функционирование психики человека, определяя психофизиологические нагрузки на организм, провоцирует разнообразные поведенческие проявления отдельного индивида и целостных социальных общностей. Особое внимание здесь следует уделять именно юношескому возрасту, у представителей которого поведенческие паттерны еще достаточно гибки и подвижны, а влияние стрессогенного воздействия города может

приводить к формированию устойчивой ориентации на эгоистичное или даже асоциальное поведение.

Теоретические аспекты исследования проблемы стрессогенности городской среды

Жизнь человека в городской среде сопровождается многочисленными стрессами, влияние которых на качество жизни горожанина носит как объективный, так и субъективный характер. При этом принято выделять острые и хронические стрессы, вызванные неблагоприятным воздействием природной, рукотворной, информационной, социальной среды на человека. Последние обладают относительно косвенным характером воздействия и действуют по принципу накопления негативных эффектов, когда превышаются пороговые значения реакции на них. Хронический характер средовой стресс приобретает в силу невозможности выхода человека из ситуации взаимодействия со стрессором или устранения его (например, в условиях города практически невозможно поддерживать активный образ жизни, хотя бы отчасти не взаимодействуя с транспортом, являющимся серьезным источником стресса).

Некоторые исследователи отмечают, что наличие стрессора не всегда имеет однозначно негативный эффект на психологическое и физиологическое благополучие человека. Так, именно хронический стресс приводит к проявлению негативного эффекта (например, в форме нарушения иммунного ответа), в то время как острый стресс вполне может оказывать и позитивное мобилизационное воздействие, и служить источником сверхнормативной активности субъекта [Sagerstrom, Miller, 2004]. Фасилитирующий эффект ряда стресс-факторов городской среды в наше время в общественном сознании воспринимается как норма, как естественная ситуация достижения цели, как сопутствующее условие поддержания образа жизни современной молодежи, а негативные последствия действия данных стрессоров вытесняются, игнорируются или обесцениваются. Здоровье все более приобретает для молодежи инструментальный характер и рассматривается как ресурс, который можно с легкостью тратить, не обращая внимания на экологические риски [Журавлева, 2012]. Но, накапливаясь или накладываясь на индивидуальные стрессы, городские стресс-факторы серьезно усугубляют общее неблагополучие личности, что наиболее характерно для социально незащищенных слоев населения, в том числе и молодежи [Чупина и др., 2013]. Степень стрессогенности и тяжесть вреда, наносимого тем или иным стресс-фактором отдельному человеку, зависит как от его уязвимости к данному воздействию, так и от его отношения к определенному стресс-фактору, а также собственной субъективной оценки значимости для него воздействия указанного стресс-фактора.

Впрочем, следует учитывать тот факт, что субъективная оценка стресс-факторов городской среды юношами и девушками не всегда соразмерна их объективному воздействию на них. Искажения в оценке могут быть связаны с тем, что люди в целом склонны переоценивать вероятную частоту явлений маловероятных и недооценивать вероятную частоту явлений высоковероятных [Lichtenstein et al., 1978]. Например, при изучении перечня значимых стресс-факторов для жителей больших российских городов одной из наиболее остро переживаемых угроз респонденты назвали вероятность террористических угроз, вне зависимости – происходили на территории их города когда-либо террористические акты или нет [Кружкова, 2012]. Искажения в оценке могут вызываться и возрастными особенностями юности, когда максимализм и ортодоксальность мышления не позволяют в полной мере адекватно реагировать на стимулы внешней среды.

Многообразие стресс-факторов городской среды характеризуются высокой комплексностью и неопределенностью. Трудность их оценки заключается в сложносоставных и неоднозначных последствиях их воздействия на физическое здоровье и психологическое благополучие человека. Тем не менее изучение специфики их объективного проявления и особенностей субъективного восприятия их юношами и девушками позволит сформировать прогноз развития взаимодействия человека и города с учетом позиции юношеской возрастной группы, готовой в недалеком будущем привести активные изменения в городскую среду. Вопрос об индивидуальной «уязвимости» к городскому стрессу юношей и девушек 17–24-летнего возраста, являющихся городским «креативным классом», позволит определить наиболее острые проблемы городской жизни с точки зрения данной категории населения и выявить субъективные факторы, детерминирующие оценки респондентов и индивидуальные искажения в восприятии источников стресса в городе.

Постановка проблемы и выдвинутые гипотезы

Целью нашего исследования стало выявление роли индивидуально-демографических (пола, опыта взаимодействия с городской средой) и индивидуально-личностных (особенностей нервной системы, свойств саморегуляции, личностных черты и др.) факторов, предопределяющих субъективную оценку стресс-факторов городской среды у жителей крупных городов юношеского возраста. Изначально предполагалось, что, вероятно, будут присутствовать следующие тенденции:

- 1) в представления «приезжей» категории респондентов, для которых город не похож на привычную среду обитания и самореализации, он будет восприниматься более «негативно», как источник потенциальных

многочисленных и разнообразных опасностей, по сравнению с оценками «укорененного» населения того же возраста, привычного к динамике и структуре городской жизни. Наше предположение строится на общих закономерностях восприятия пространства человеком, когда образ воспринимаемого «привычного» строится с опорой на несколько знаковых элементов с привлечением опыта ранее воспринятого, при этом опускается множество мелких деталей. Как отмечают А.Э.Гутнов и В.Л.Глазычев, чем непривычнее увиденное, тем насыщеннее деталями образ [Гутнов, Глазычев, 1990];

2) исходя из культурных стереотипов и физиологических особенностей девушки будут воспринимать городскую среду как более угрожающую и стрессогенную для себя по сравнению с юношами. Выдвинутое предположение базируется на исследованиях различий в реакции на стресс, проявляющихся у представителей разных полов как на уровне биохимии и нейрофизиологии головного мозга, так и на уровне эмоционального реагирования и запоминания негативных событий [Кэхилл, 2005];

3) индивидуальные особенности (характеристики нервной системы) и ряд личностных качеств (жизнестойкость, стрессоустойчивость, тревожность, локус контроля и др.) могут играть определяющую роль в восприятии средовых факторов риска, вызывающих стресс. Данное предположение строится на работах современных исследователей стресса, которые указывают на высокое значение индивидуальной устойчивости к стрессу в восприятии свойств травмирующей ситуации и ее последствий [Величковский, 2007].

Методы

Испытуемые

Выборку исследования составили 1762 респондента юношеского возраста (16–24 года), из них 712 юношей и 1050 девушек – учащиеся средних профессиональных и высших профессиональных учебных заведений семи городов России: Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Омска, Челябинска, Перми и Тюмени. Опыт проживания респондентов в городе составлял не менее 1 года, что в итоге позволило разделить выборку на жителей, приехавших в город из других населенных пунктов, и жителей, проживающих в своем городе с рождения («приезжие» – 917 человек, «укорененные» – 845 человек соответственно).

Создание и подбор диагностического инструментария

Для сбора оценок респондентов относительно субъективной значимости для них отдельных стресс-факторов среды большого города была создана анкета, пункты которой нами были сформированы на основе перечня стрессогенного воздействия городской среды больших российских городов, представленного в работах Х.Э.Штейнбах, В.И.Еленского, Л.В.Смоловой, а также с опорой на результаты эмпирического изучения особенностей восприятия городской среды ее жителями [Воробьева, Кружкова, 2012]. В итоге был составлен перечень из 42 пунктов, описывающих материальные, социальные, динамические и иные факторы, которые могут восприниматься жителями больших городов в качестве стрессирующих обстоятельств их проживания в городе по шкале от 0 (абсолютно не беспокоит) до 4 (вызывает высокое эмоциональное напряжение), объединенные в 8 групп:

1) реальные риски и угрозы – воздействие составляющих данной группы на человека представляет угрозу для жизни и здоровья человека и значительно снижает качество жизни горожанина, например, загрязненность воздуха, воды, опасность стать жертвой преступления, вероятность ДТП, террористические угрозы и др.;

2) информационно-динамические нагрузки – связаны с необходимостью воспринимать, обрабатывать и реагировать на множественные стимулы, поступающие из внешней среды за короткий период времени. При этом среда большого города предполагает как многочисленные социальные контакты, так и множественность вертикально и горизонтально расположенного предметного окружения и многочисленность событий, происходящих с человеком, включенным в городскую реальность;

3) социальный краудинг – это ситуации возникновения субъективного ощущения нехватки свободы в социальном взаимодействии, вызванные множественностью контактов в городской среде, предписанными социальными обязательствами и существующими экспектациями по отношению к человеку как горожанину;

4) транспортные риски – это ситуации возникновения стресса вследствие активного взаимодействия с индивидуальным и общественным транспортом. Как особо стрессогенные жителями оцениваются городские транспортные пробки, временные затраты на транспорт и зависимость собственной активности и потребности в передвижении от работы транспорта [Кружкова, 2012];

5) проблемы ориентации – это ситуации затруднений в выделении функциональных зон пространства, непонятности строения города (его части) и уличной системы, дезориентация в схожих до неразличения местах города. Утеря ориентации вызывает беспокойство и эмоциональный дискомфорт, нарушает гармоничность отношений между миром и личностью, в связи с чем крайне важно создание «хорошего» образа города для поддержания эмоционального благополучия человека [Линч, 1982];

6) безразличие – это ситуации, когда человек чувствует себя одиноким и незащищенным, находясь в многолюдном городском окружении. Особое значение здесь имеет возникающее в больших городах ощущение отсутствия внимания и поддержки в случае необходимости со стороны окружающих людей, что нетипично для небольших городских и сельских сообществ. В большом городе житель вырабатывает индифферентные отношения к окружающим как особый защитный механизм, блокирующий переживание эмоций по отношению к встречным людям и таким образом предохраняющий от эмоционального выгорания при избытке эмоциогенных внешних стимулов [Баранов, 1981];

7) миграционные риски – связаны с ситуациями взаимодействия с иногородними и иностранными гражданами, вновь прибывающими в город. Стрессогенный характер данное взаимодействие приобретает в силу несхожести паттернов поведения, культуры и личностной направленности «укорененных» жителей города и приезжих, а также в результате обострения конкуренции за социально-экономические и иные ресурсы;

8) гомогенность визуальной среды – где стресс вызван однообразием внешних элементов городской среды. Данная ситуация связана с распространением, начиная с середины XX века, массовой застройки российских городов зданиями типовых серий с унифицированными и обедненными архитектурными элементами. Повторяемость одинаковых элементов, использование больших плоскостей и простых геометрических форм приводит к восприятию человеком городского пространства как потенциально агрессивного и стрессогенного [Филин, 1990].

Для изучения вероятных индивидуально-личностных детерминант субъективной значимости стресс-факторов городской среды для респондентов была применена батарея следующих психодиагностических методик: «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» [Русалов, 1997]; »Тест жизнестойкости» [Леонтьев, Рассказова, 2006]; «Методика определения доминирующего состояния» [Куликов, 2003]; Бостонский тест на стрессоустойчивость [Щербатых, 2007]; методика определения уровня стрессочувствительности [Фетискин, 2007]; методика «Прогноз» [Михайлов и др., 2009]. В представлении результатов и интерпретации некоторые шкалы методик были инвертированы (в частности, процедура была применена для Бостонского теста стрессоустойчивости и методики «Прогноз»), для того чтобы их название отражало сущность измеряемого показателя.

Методы математической обработки

Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 19. Логика исследования предполагала обращение к следующим методам и критериям математико-статистической обработки эмпирических психологических данных: двухэтапный кластерный анализ использовался для выделения подгрупп респондентов с различной субъективной оценкой напряженности стрессогенности городской среды; таблицы сопряженности (с применением критерия V Крамера) для выявления закономерностей распределения респондентов по группам; MANOVA применялся для определения роли факторов пола и степени укорененности в оценке субъективной значимости стресс-факторов городской среды для респондентов; сравнительная статистика с использованием критерия согласия Колмогорова–Смирнова для определения характеристик распределения переменных и t-критерия Стьюдента для двух несвязных выборок для проверки и подтверждения результатов дисперсионного анализа; линейная регрессия для выявления индивидуально-личностной основы субъективной оценки стресс-факторов города.

Результаты исследования

Поиск индивидуальных детерминант субъективной значимости стресс-факторов городской среды предполагает первоначально оценку общей стрессогенности городской среды респондентами. Высокая вариативность общих оценок ($\bar{X} = 59,66$, $\sigma = 26,00$) и отсутствие нормального распределения данных (коэффициент Колмогорова–Смирнова $Z = 1,71$ при $p = 0,006$) свидетельствует о негомогенности группы респондентов по данному параметру. Для адекватного выделения подгрупп с различной оценкой общей стрессогенности городской среды была применена процедура двухэтапного кластерного анализа (показатель силуэтной меры связи $> 0,5$), позволившая выделить три гомогенных кластера респондентов (таблица 1).

Таблица 1

Характеристика кластеров правый край таблицы не помещается на экране даже при самом мелком шрифте, поэтому то, что справа я не вижу и не исправляю

Примечания. Хср – среднее арифметическое, σ – стандартное отклонение.

В итоге была обнаружена неравномерность распределения юношей и девушек по выделенным кластерам ($V = 0,14$ при $p = 0,000$). Среди юношей чаще встречался низкий уровень оценки общей стрессогенности городской среды, а для девушек в большей степени был характерен средний уровень оценки указанного показателя. При этом частота встречаемости высокого уровня оценки общей стрессогенности городской среды среди юношей и девушек статистически не различалась.

Также присутствовала неравномерность разделения по кластерам «приезжих» и «укорененных» жителей города ($V = 0,08$ при $p = 0,004$). Среди «укорененных» чаще встречались высокий и средний уровень оценок общей стрессогенности городской среды, в то время как для «приезжих» жителей был наиболее характерен низкий уровень подобной оценки.

Выраженность показателей отдельных групп стресс-факторов городской среды была также дифференцирована у респондентов разделенных по кластерам (рис. 1). Впрочем, здесь прослеживается общая тенденция приоритета значимости одних групп стресс-факторов (в частности, групп «реальные риски и угрозы» и «безразличие») и относительно толерантного восприятия других групп стресс-факторов (например, групп «информационно-динамические нагрузки» и «социальный краудинг») в оценках респондентов всех кластеров.

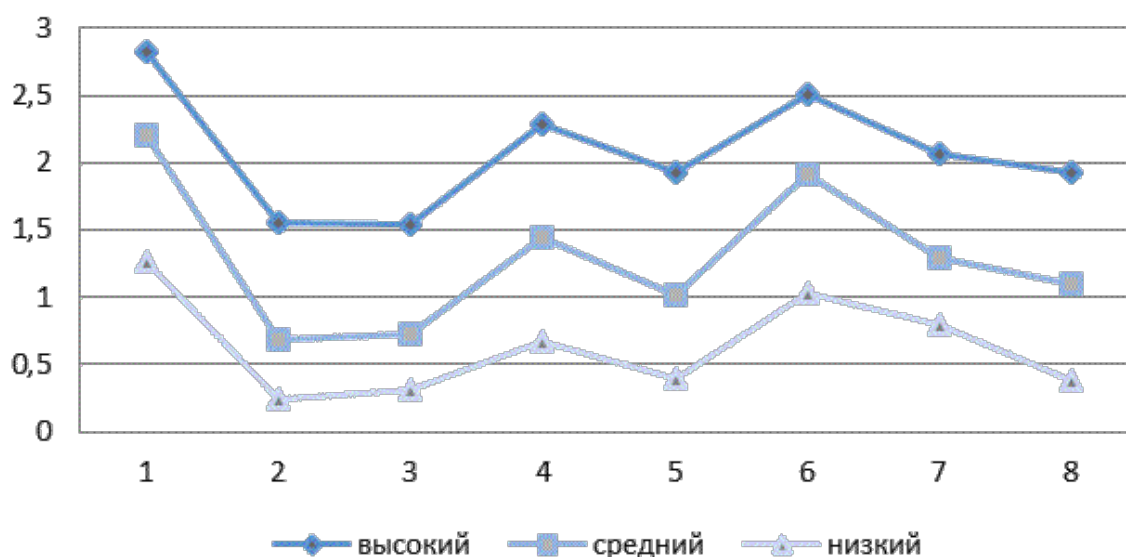

Рис. 1. График средних значений субъективных оценок значимости городских стресс-факторов группами респондентов с различными показателями общей стрессогенности городской среды.

Примечания. 1 – реальные риски и угрозы; 2 – информационно-динамические нагрузки ; 3 – социальный краудинг ; 4 – транспортные риски; 5 – проблемы ориентации; 6 – безразличие; 7 – миграционные риски; 8 – гомогенность визуальной среды.

Дальнейшее изучение индивидуальной детерминации субъективной значимости городских стресс-факторов было целесообразно проводить по группам респондентов с различными показателями оценок общей стрессогенности городской среды. Изучение различий, обусловленных фактором пола и фактором укорененности жителей городов

осуществлялось с применением MANOVA, когда для каждого фактора оценивалась индивидуальная модель дисперсионного анализа (без учета взаимодействия факторов) в каждой из групп респондентов (таблицы 2, 4, 6). Обусловленность качеств субъективной оценки стресс-факторов городской среды индивидуальными особенностями личности респондентов в каждой из групп респондентов осуществлялась с применением множественной линейной регрессии (таблицы 3, 5, 7).

Таблица 2
Результаты серии MANOVA субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе с высокой субъективной оценкой стрессогенности городской среды (факторы: пол, укорененность)

Группа стресс-факторов	Показатели допустимости и адекватности дисперсионного анализа			Общая объясненная дисперсия	Уровень значимости различий	Категория респондентов	Среднее по категории респондентов по шкале оценки субъективной значимости стрессора от 0 до 4)
	Уровень значимости М-критерия Бокса	Уровень значимости коэффициента Ливиня	Уровень значимости коэффициента Пиллая				
<i>Фактор: пол</i>							
Реальные риски и угрозы	0,023	0,039*	0,000	8,1%	0,000	Мужской Женский	2,63 2,95
Информационно-динамические нагрузки		0,308		2,7%	0,000	Мужской Женский	1,70 1,45
Социальный краудинг		0,432		5,4%	0,000	Мужской Женский	1,76 1,39
Проблемы ориентации		0,984		1,5%	0,006	Мужской Женский	2,06 1,84
Миграционные риски		0,279		2,1%	0,001	Мужской Женский	2,28 1,93
<i>Фактор: укорененность</i>							
Реальные риски и угрозы	0,077	0,026**	0,020	1,0%	0,026	«Приезжие» «Укорененные»	2,89 2,77
Транспортные риски		0,031**		1,0%	0,031	«Приезжие» «Укорененные»	2,40 2,20

Примечания. При отсутствии равенства дисперсии данных подгрупп дополнительно различия были подтверждены с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок: * равенство дисперсий не предполагается, различия в оценках респондентов мужского и женского пола достоверны $t = -6,55$, $p = 0,000$; ** равенство дисперсий не предполагается, различия в оценках «приезжих» и «укорененных» жителей городов достоверны $t = 2,23$, $p = 0,025$ и $t = 2,16$, $p = 0,031$ соответственно.

Таблица 3
Результаты выявления индивидуально-личностной детерминации субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе с высокой субъективной оценкой стрессогенности городской среды

Группа стресс-факторов городской среды	Характеристики и элементы регрессионной модели				
	Уровень значимости достоверности модели	Общая объясненная моделью дисперсия	Элементы модели	Коэффициент β	Уровень значимости элемента модели
Реальные риски и угрозы	0,000	41,7%	Стрессоустойчивость	-0,348	0,000
			Принятие риска	-0,298	0,000
			Положительный образ себя	0,246	0,004
			Активное отношение к жизни	0,187	0,023

Информационно-динамические нагрузки	0,001	10,6%	Эмоциональность коммуникативная	-0,175	0,019
			Планирование	0,173	0,032
			Пассивное отношение к жизненной ситуации	0,316	0,000
Социальный краудинг	0,000	24,7%	Эргичность интеллектуальная	0,192	0,030
			Гибкость	-0,421	0,000
			Эргичность коммуникативная	0,229	0,004
Транспортные риски	0,001	15,7%	Неудовлетворенность жизнью в целом	0,173	0,029
			Пассивное отношение к жизненной ситуации	0,275	0,005
			Удовлетворенность жизнью в целом	0,236	0,021
			Стрессочувствительность	-0,222	0,026
			Эргичность интеллектуальная	0,214	0,018
Проблемы ориентации	0,000	24,8%	Программирование	-0,177	0,036
			Тревога	0,364	0,000
			Нервно-психическая устойчивость	-0,266	0,003
			Стрессочувствительность	-0,224	0,021
			Эмоциональность коммуникативная	0,199	0,024
Безразличие	0,000	37,7%	Психомоторная скорость	0,195	0,018
			Стрессочувствительность	0,323	0,000
			Вовлеченность	0,297	0,002
			Пластичность психомоторная	-0,241	0,005
			Тревога	-0,231	0,023
			Планирование	0,223	0,008
			Пластичность коммуникативная	0,191	0,020
			Нервно-психическая устойчивость	0,168	0,041
Миграционные риски	0,001	8,2%	Принятие риска	-0,167	0,029
			Низкий тонус	0,287	0,001
Гомогенность визуальной среды	0,025	5,8%	Тревога	-0,317	0,007
			Низкий тонус	0,241	0,039

Таблица 4

Результаты серии MANOVA субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе со средней субъективной оценкой стрессогенности городской среды (факторы: пол, укорененность)

Группа стресс-факторов	Показатели допустимости и адекватности дисперсионного анализа			Общая объясненная дисперсия	Уровень значимости различий	Категория респондентов	Среднее по категории респондентов по шкале оценки субъективной значимости стрессора от 0 до 4)
	Уровень значимости М-критерия Бокса	Уровень значимости коэффициента Ливиня	Уровень значимости коэффициента Пиллая				

<i>Фактор: пол</i>							
Реальные риски и угрозы	0,144	0,334	0,000	5,1%	0,000	Мужской Женский	2,05 2,29
Информационно-динамические нагрузки		0,702		1,7%	0,001	Мужской Женский	0,78 0,63
Социальный краудинг		0,009*		1,9%	0,000	Мужской Женский	0,84 0,68
Безразличие		0,002*		2,9%	0,000	Мужской Женский	1,69 2,02
Миграционные риски		0,076		3,9%	0,000	Мужской Женский	1,63 1,13
<i>Фактор: укорененность</i>							
Транспортные риски	0,000	0,389	0,000	0,7%	0,035	«Приезжие» «Укорененные»	1,51 1,36
Миграционные риски		0,058		3,9%	0,000	«Приезжие» «Укорененные»	1,08 1,56

Примечания. При отсутствии равенства дисперсии данных подгрупп дополнительно различия были подтверждены с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок: * равенство дисперсий не предполагается, различия в оценках респондентов мужского и женского пола достоверны $t = 3,39$, $p = 0,001$ и $t = -4,66$, $p = 0,000$ соответственно.

Таблица 5

Результаты выявления индивидуально-личностной детерминации субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе со средней субъективной оценкой стрессогенности городской среды

Группа стресс-факторов городской среды	Характеристики и элементы регрессионной модели				
	Уровень значимости достоверности модели	Общая объясненная моделью дисперсия	Элементы модели	Коэффициент β	Уровень значимости элемента модели
Реальные риски и угрозы	0,000	38,9%	Планирование	0,386	0,000
			Оценивание результата	-0,338	0,001
			Моделирование	0,305	0,004
			Стрессочувствительность	0,285	0,003
			Эмоциональность интеллектуальная	0,232	0,017
			Программирование	-0,186	0,041
Информационно-динамические нагрузки	0,001	17,1%	Эргичность интеллектуальная	-0,478	0,000
			Тревога	-0,422	0,001
			Пассивное отношение к жизненной ситуации	0,346	0,002
			Программирование	0,235	0,026
Социальный краудинг	0,000	28,3%	Гибкость	-0,341	0,001
			Экстернальность	0,295	0,004
			Вовлеченность	-0,259	0,016
			Скорость интеллектуальная	0,246	0,015
			Моделирование	0,205	0,047
Транспортные риски	0,005	10,2%	Экстернальность	0,270	0,008
			Оценивание результата	0,255	0,012
Проблемы ориентации					

			Оценивание результата	0,223	0,022
			Пластичность интеллектуальная	-0,207	0,040
			Скорость коммуникативная	0,195	0,046
Безразличие	0,000	32,0%	Оценивание результата	-0,399	0,000
			Планирование	0,309	0,002
			Вовлеченность	-0,274	0,016
			Эргичность коммуникативная	0,234	0,027
			Эмоциональность психомоторная	-0,220	0,028
			Программирование	0,204	0,031
Миграционные риски	0,005	12,6%	Контроль	0,321	0,003
			Экстернальность	0,249	0,015
			Принятие риска	-0,240	0,020
Гомогенность визуальной среды	0,000	31,5%	Эргичность интеллектуальная	0,475	0,000
			Вовлеченность	-0,322	0,001
			Активное отношение к жизненной ситуации	0,309	0,002
			Скорость интеллектуальная	-0,285	0,009
			Пластичность психомоторная	-0,195	0,047

Таблица 6

Результаты серии MANOVA субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе с низкой субъективной оценкой стрессогенности городской среды (факторы: пол, укорененность)

Группа стресс-факторов	Показатели допустимости и адекватности дисперсионного анализа			Общая объясненная дисперсия	Уровень значимости различий	Категория респондентов	Среднее по категории респондентов по шкале оценки субъективной значимости стрессора от 0 до 4)
	Уровень значимости М-критерия Бокса	Уровень значимости коэффициента Ливиня	Уровень значимости коэффициента Пиллая				
Фактор: пол							
Реальные риски и угрозы	0,000	0,390	0,000	6,9%	0,000	Мужской Женский	1,12 1,39
Безразличие		0,304		0,8%	0,037	Мужской Женский	0,96 1,10
Миграционные риски		0,003*		1,6%	0,004	Мужской Женский	0,91 0,66

Примечания. При отсутствии равенства дисперсии данных подгрупп дополнительно различия были подтверждены с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок: * равенство дисперсий не предполагается, различия в оценках респондентов мужского и женского пола достоверны $t = 3,24$, $p = 0,001$.

Таблица 7

Результаты выявления индивидуально-личностной детерминации субъективной значимости стресс-факторов городской среды в группе с низкой субъективной оценкой стрессогенности городской среды

Группа стресс-факторов городской среды	Характеристики и элементы регрессионной модели				
	Уровень значимости достоверности модели	Общая объясненная моделью дисперсия	Элементы модели	Коэффициент β	Уровень значимости элемента модели
Реальные риски и угрозы	0,000	44,8%	Эргичность интеллектуальная	0,812	0,000
			Моделирование	0,588	0,000
			Контроль	-0,575	0,001
			Положительный образ самого себя	0,425	0,006
			Экстернальность	0,339	0,023
			Пластичность коммуникативная	-0,301	0,018
Информационно-динамические нагрузки	0,001	17,1%	Вовлеченность	-0,442	0,001
			Эргичность психомоторная	0,288	0,027
			Планирование	0,284	0,020
Социальный краудинг	0,000	54,1%	Скорость интеллектуальная	0,477	0,001
			Эргичность коммуникативная	-0,447	0,000
			Моделирование	-0,398	0,009
			Принятие риска	-0,382	0,001
			Экстернальность	0,365	0,006
			Неустойчивость эмоционального тона	0,323	0,035
Транспортные риски	0,007	23,9%	Эргичность интеллектуальная	0,496	0,007
			Моделирование	0,441	0,010
			Контроль	-0,439	0,016
			Положительный образ самого себя	0,385	0,020
Проблемы ориентации	0,005	31,2%	Гибкость	0,559	0,009
			Пластичность коммуникативная	-0,531	0,001
			Эмоциональность интеллектуальная	-0,491	0,004
			Стрессочувствительность	0,402	0,009
			Нервно-психическая устойчивость	-0,375	0,040
			Принятие риска	-0,331	0,028
Безразличие	0,002	20,2%	Эргичность интеллектуальная	0,512	0,001
			Пассивное отношение к жизненной ситуации	0,297	0,040
Миграционные риски	0,000	36,3%	Вовлеченность	-0,529	0,001
			Низкий тонус	0,363	0,012
			Эргичность коммуникативная	0,351	0,033
			Стрессоустойчивость	0,298	0,013
			Эргичность психомоторная	0,282	0,034

Обсуждение результатов

В итоге можно заметить, что для любой группы респондентов, вне зависимости от их общей оценки стрессогенности городской среды, имеются общие тенденции в выделении высокозначимых и малозначительных стресс-факторов города. К наиболее субъективно остро переживаемым угрозам респонденты отнесли реальные риски и угрозы жизни и здоровью (включающие как экологические проблемы существования в городе, так и антропогенные угрозы, такие как преступность и терроризм) и безразличие (в том числе и отказ от помощи). Фактически это те стресс-факторы, которые «очевидно» нарушают удовлетворение базовой потребности человека в безопасности и действие которых каждый респондент в той или иной степени может рефлексировать и анализировать. При этом относительно толерантно респонденты всех групп готовы воспринимать действие информационно-динамических нагрузок, социального краудинга, негативных ситуаций из-за проблем ориентации и гомогенности визуальной среды. Вероятно, данные группы стресс-факторов, имея значение для повышения общей стрессированности человека (что отмечается в работах К. Линча, В. И. Иовлева), не воспринимаются респондентами как очевидный вред, поскольку, снижая качество жизни, не представляют для существования человека прямой угрозы.

Выделение трех групп респондентов по уровню оценки общей стрессогенности городской среды подтвердило неравномерность в оценках стресс-факторов городского пространства разными категориями молодежи. Здесь имеет значение как фактор пола (низкие оценки стрессогенности городской среды встречаются у 38% юношей и только у 27% девушек, умеренные оценки стрессогенности – у 32% юношей и 43% девушек, а высокие – в равной степени у 30% юношей и девушек), так и фактор укорененности (низкие оценки – у 30% «укорененных» и 33% «приезжих», умеренные оценки стрессогенности – у 37% «укорененных» и 41% «приезжих», а высокие – у 33% «укорененных» и 26% «приезжих»). При этом по результатам дисперсионного и регрессионного анализа можно заметить, что в группе с высокими и средними оценками общей стрессогенности городской среды факторы пола и укорененности обуславливают большее число различий в оценках отдельных стресс-факторов городской среды между категориями респондентов (7 из 16 возможных различий), в то время как в группе с низкими оценками таких различий только 3 из 16 возможных. Также процент детерминации оценок стрессогенности личностными особенностями в группах с высокими и средними оценками стрессогенности городской среды несколько ниже (от 5% до 41%), чем в группе с низкими оценками (от 17% до 54%). Вероятно, респонденты с пониженным порогом реакции на негативные факторы внешней среды более привязаны к социальным стереотипам поведения и оценок как неким ресурсам построения безопасного предсказуемого образа мира, а их индивидуально-личностные черты «маскируются» за приобретенными стереотипами реакций на внешнюю среду. Схожие результаты были обнаружены голландскими исследователями, выявившими закономерность активизации социальных стереотипов как способов совладания со стрессом при увеличении загрязненности внешней среды и отказ от подобных стереотипов в максимально упорядоченной внешней среде [Stapel, Lindenberg, 2011].

Несмотря на незначительный детерминационный ресурс фактора пола в объяснении оценок стрессогенности городской среды (не более 8% объясненной дисперсии данных), в каждой из выделенных групп присутствовали частные различия между юношами и девушками в оценках отдельных стресс-факторов. При этом характер различий во всех трех группах имеет сходную специфику. Во всех группах девушки оценивают реальные риски и угрозы городской среды для их жизни и здоровья более негативно, чем юноши. Вероятно, обладая большей стрессочувствительностью [Журавлева, 2012], девушки переживают более интенсивный стресс при угрозе их безопасности в условиях большого города. С точки зрения здорового образа жизни, к заботе о котором также более склонны девушки [Журавлева, 2012], они более придирчиво оценивают окружающую среду по степени ее безвредности и пригодности для жизнедеятельности, что обостряет их внимание к негативным сторонам городской действительности (загрязнению воздуха, воды, распространению беспризорных животных и т.п.). Для юношей во всех группах по сравнению с девушками более стрессогенны ситуации, обусловленные множественностью и изменчивостью раздражителей в городской среде, в том числе и многочисленностью социального окружения и предписанных социальных экспектаций по отношению к ним (статистически значимо более высоко юноши оценивают стрессогенность информационно-динамических нагрузок, социального краудинга и миграционных рисков). Несмотря на относительно низкую общую оценку данных стресс-факторов, юноши более склонны заострять на них внимание, чем девушки. Юноши чаще ощущают стресс от невозможности управления внешними обстоятельствами в условиях интенсивного обезличенного социального взаимодействия, хотя именно управление ситуацией номинально и стереотипно приписывается им как обязанность по организации действительности [Рябова, 2001]. При этом, как обнаружили I. Fleming с сотрудниками [Fleming, Baum, Weiss, 1987], когда люди, особенно мужчины, не чувствуют возможность самовольно контролировать частоту и продолжительность социального взаимодействия, у них повышается стрессовая реакция не только на социальные факторы, но и на предметные раздражители (например, на плотность городской застройки).

Опыт взаимодействия в городской среде и фактор укорененности имеет еще более низкий детерминационный потенциал в объяснении оценок субъективной значимости стрессогенности городской среды. При этом

отсутствуют значимые различия среди проживающих с рождения и переехавших в город в более позднем возрасте жителей в группе с низким уровнем оценки стрессогенности среды. Относительно сходная повышенная оценка транспортных рисков «приезжими» жителями по сравнению с «укорененными» в группах с высокой и средней оценкой стрессогенности городской среды может быть связана с субъективной системой оценки времени и расстояний, поскольку переехавшие в город юноши и девушки ранее проживали в небольших городах и сельских поселениях, где перемещения по территории поселения незначительны, не требуют активного взаимодействия с различными видами общественного транспорта и не занимают таких временных ресурсов.

Тем не менее очевидный приоритет в объяснении субъективной оценки стрессогенности факторов городской среды респондентами присутствует в отношении индивидуально-личностных особенностей, которые в отдельных регрессионных моделях детерминируют 50% и более процентов дисперсии оценок. Однако наборы предикторов в регрессионных моделях трех групп значительно отличаются друг от друга. Для группы с высокими оценками стрессогенности городской среды наиболее распространенными предикторами являются формально-динамические особенности протекания коммуникативных процессов и степень стрессочувствительности личности, в группе со средним уровнем оценок наиболее часто предикторами выступают формально-динамические особенности протекания интеллектуальных процессов, в группе с низкими оценками – также среди предикторов наиболее часто встречаются формально-динамические свойства индивидуальности, но уже без явного доминирования определенных процессов. Во всех трех группах в регрессионные модели часто входят и показатели саморегуляции (гибкость, планирование, оценивание результата и моделирование). Фактически это свидетельствует о высокой зависимости субъективной оценки стрессогенных факторов от характеристик реакции человека на внешние раздражители, то есть его выносливости, гибкости и скорости в формировании ответа на стимулы среды, а также от специфики средств отражения и преобразования действительности. В соответствии с регрессионными моделями всех трех групп можно выделить перечень индивидуально-личностных особенностей жителей больших городов юношеского возраста, делающих их потенциально уязвимыми к городским рискам. Восприимчивость к негативным факторам среды увеличивают низкая степень принятия человеком риска, выраженный экстернальный локус контроля и присутствующий у человека положительный образ себя. В этом случае негативные факторы среды воспринимаются личностью юноши как проявление враждебности внешнего мира, несправедливого в своей «жестокости» к нему. Кроме того, ряд индивидуально-личностных особенностей имеют амбивалентный характер взаимосвязи с субъективной оценкой стрессогенности городской среды. Так, в большинстве случаев пассивное отношение к жизни, склонность к планированию, моделированию, низкая вовлеченность в жизненные события и высокая стрессочувствительность обуславливают повышенную склонность к акцентированию негативных моментов жизни в городе. Здесь возникает эффект «выпадения» из динамики городской жизни, когда юноше или девушке кажется, что жизнь протекает мимо, без их участия. Отсутствие гибкости и жесткое планирование своего поведения и ситуации его развертывания приводят к скованности и отсутствию адаптивности к внешним изменяющимся условиям городской жизни. Правда, в иных, достаточно редких случаях именно обратные черты будут лежать в основе повышения оценки стрессогенности факторов городской жизни.

Выводы

1. Жители юношеского возраста неравномерно оценивают потенциальную опасность факторов городской среды. Можно выделить три группы с высокими, средними и низкими оценками стрессогенности городской среды.
2. Во всех выделенных группах как наиболее стрессогенные оцениваются группы факторов «реальные риски и угрозы» и «безразличие», а наименьшее значение придается действию информационно-динамических нагрузок, социального краудинга, проблемам ориентации и гомогенности визуальной среды города.
3. Как правило, девушки в большей степени негативно оценивают факторы городской жизни, непосредственно нарушающие их физическую безопасность, в то время как для юношей более стрессогенными по сравнению с девушками оказываются проблемы социального взаимодействия, информационной насыщенности и динамической изменчивости городской среды, которые юноша не может контролировать и изменять по своему усмотрению.
4. В целом фактор укорененности незначительно детерминирует различия между проживающими в городе с рождения и переехавшими в него позднее юношами и девушками. Но для «приезжих» горожан взаимодействие с транспортной системой города является более стрессогенной ситуацией.
5. Наибольшее значение для детерминации оценок субъективной значимости стресс-факторов городской среды имеют индивидуально-личностные, а не индивидуально-демографические особенности респондентов. Низкая склонность к риску, экстернальность и положительный образ себя делают юношей и девушек более восприимчивыми к акцентированию негативных факторов жизни в городе, фактически виктимизируя их в городской среде.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-2450.2011.6 («Диспозиции защитного и совладающего поведения личности в условиях стресс-факторов городской среды»).

Литература

Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981.

Величковский Б.Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу: дис. ... канд. психол. наук. ИП РАН, Москва, 2007.

Воробьева И.В., Кружкова О.В. Психология городской среды. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. университет, 2012.

Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990.

Журавлева И.В. (Ред.). Здоровье студентов: социологический анализ. М.: Институт социологии РАН., 2012.

Кружкова О.В. Субъективная оценка стресс-факторов городской среды жителями больших российских городов с учетом гендерного признака. В кн.: 6-ая рос. конф. по экологической психологии: тезисы, Москва, 25–26 октября 2012 г. М.: Психологический институт РАО, 2012. С. 217–221.

Куликов Л.В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. СПб.: С.-Петерб. гос. университет, 2003.

Кэхилл Л. Его мозг, ее мозг. В мире науки, 2005, 8, 21–27.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

Михайлов Л.А., Маликова Т.В., Шатрова О.В., Михайлов А.П., Соломин В.П. Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях. Под ред. Л.А. Михайлова. СПб.: Питер, 2009.

Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы. Женщина в российском обществе, 2001, No. 3–4, 3–12.

Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: Метод. пособие. М.: ИП РАН, 1997.

Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование: монография. Самара: Самарский гос. пед. университет, 2008.

Смолова Л.В. Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). СПб.: С.-Петерб. гос. институт психологии и соц. работы, 2010.

Фетискин Н.П. Психотехнологии совладающего поведения. Кострома: Костромской гос. университет им. Н.А. Некрасова, 2007.

Филин В.А. Видимая среда в городских условиях как экологический фактор. М.: Наука, 1990.

Чупина В.А., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Плешакова А.Ю. Субъективная значимость стрессогенной среды для человека в контексте его образовательного уровня и профессиональной принадлежности (на примере городов Ханты-Мансийского автономного округа). Вестник Московского государственного областного университета, Сер.: Педагогика, 2013, 2, 58–62.

Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.

Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2007.

Fleming I., Baum A., Weiss L. Social density and perceived control as mediators of crowding stress in high-density

residential neighborhoods. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 52(5), 899–906.

Lichtenstein S., Slovic P., Fischhoff B., Layman M., Combs B. Judged frequency of lethal events. *Journal of Experimental Psychology: Human learning and Memory*, 1978, 4, 551–578.

Sagerstrom S.C., Miller G.E. Psychological stress and the human immune system: A meta-analytic study of 30 years of inquiry. *Psychological Bulletin*, 2004, 130(4), 601–630.

Stapel D.A., Lindenberg S. Coping with Chaos: How Disordered Contexts Promote Stereotyping and Discrimination. *Science*, 2011, 332(6026), 251–2534. DOI: 10.1126/science.1201068

Поступила в редакцию 17 июля 2013 г. Дата публикации: 21 апреля 2014 г.

Сведения об авторе

Кружкова Ольга Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления, Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, д. 26, 620017 Екатеринбург, Россия.

E-mail: galiat1@yandex.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности. *Психологические исследования*, 2014, 7(34), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 34. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/955-kruzhkova34.html>

[К началу страницы >>](#)